

«Безразлична к излишествам, дорожу необходимым»

О переосмыслении и неизменном во взгляде на вселенское, российское, советское

Л. Д. Дорогая Сэда Константиновна! Такой большой отклик на Ваши ответы в предыдущем номере журнала «Берега», что возникла необходимость продолжить беседу с Вами, потому что масштаб и потенциал Вашей личности, поэта, публициста требует того. Вы написали как-то мне в письме, «как я могла поверить в советское время, что Россия – тюрьма народов?» Многие переосмыслилось в жизни,

в судьбе у человека, жившего в СССР, а что-то в мировоззрении осталось неизменным. Что Вами по большому счету рассматривается сегодня иначе, чем раньше, а что остается неизменным?

Спасибо, Лидия Владимировна, за добрые слова, за прошлую беседу. Она действительно принесла не только доброжелательные отклики читателей, за что им моя благодарность, но и саму меня заставила задуматься и осмыслить многое из прошлого, соотнести с реалиями нынешнего времени. Это можно отнести и к заданному Вами вопросу о царской России, как «тюрьме народов». Отвечу сразу – с этим определением я познакомилась после того, как пошла в школу. Именно в школьных учебниках такая формула предвляла определённые разделы, и печаталась жирным крупным, крепко западающим в сознание школьника шрифтом. В качестве иллюстрации преподносилась русско-кавказская война, длившаяся почти пятьдесят лет (1817 – 1864) и сопровождавшаяся с обеих сторон жертвами и жестокостью. Однако обвинялась в этом только одна сторона – царская Россия. Обходилась или умалчивалась сложная геополитическая обстановка в регионе, в частности – интересы, преследуемые Англией, вынуждавшая Россию к ответным действиям. Ситуация преподносилась расширительно и по умолчанию распространялась и на другие территории и народы, добровольно присоединившиеся или завоеванные царской Россией. Хотя история их присоединения и включения в состав Российской Империи носила далеко не столь драматический характер. Русская классическая литература, с её гуманистическими традициями, работала в том же направлении. Горские народы Северного Кавказа, страдающие от деспотизма царской России, были единственной иллюстрацией к вышеупомянутому тезису, являя собой типичный пример того, когда единичное явление представляется как массовое, что в корне меняет подход к нему и его оценку. Но советской власти нужно было создать в народе негативный образ царской России, и на этом фоне ярче высветить преимущества советской системы. Такова была реальность моего детства. Но в то же время была и другая реальность – мои родственники, которых я знала лично или по рассказам. Тезиса о тюрьме народов она не подтверждала. Но воздействие пропаганды перевешивало. И только совсем недавно я усомнилась в справедливости заученной с детства формулы, опираясь, прежде всего, на собственную родословную. Приведу примеры. Мой далекий предок Иосиф Аргутинский-Долгорукий – предводитель армянской паствы в России, архиепископ, впоследствии католикос, прибыв в Россию, невзирая на свою принадлежность к церкви, стал сподвижником Суворова и Потёмкина, участвовал как в Крымских походах, так и в присоединении Новороссии. Был приближен ко двору Екатерины Второй (у меня бережно хранится подаренный ею Иосифу Аргутинскому, исполненный по её личному заказу сервиз замечательной красоты и тонкости, из севрского фарфора). Княжеского звания Российской Империи Павлом Первым был удостоен не только Иосиф, но и его братья, в добавление к аналогичным армянским и грузинским титулам этого древнего армянского рода Захаридов. Как активному участнику потёмкинских и суворовских походов и завоеваний, ему были дарованы земли в Крыму и в Новороссии. Одним из его наследников является мой прадед – князь Александр Аргутинский-

Долгорукий. Оба его сына – гвардии полковники. При этом старший – полковник легендарного Преображенского полка, а дочь, моя бабушка, окончила в Петербурге Институт благородных девиц и была зачислена во фрейлины Императорского двора. Ближайший родственник князь М. З. Аргутинский–Долгорукий имел звание генерал-адъютанта его Величества, генерал-лейтенанта, и за военную доблесть и победы на Кавказском фронте был удостоен высших наград Российской Империи: орденов святого Александра Невского, Святого Георгия 3-й степени, Святого Владимира 1-й степени, Святой Анны 1-й степени, Белого Орла и других.

Сэда (слева) с подружкой, 9 класс, г. Ереван

Мой дед Христофор Вермишев – видный общественный деятель, один из лидеров кадетской партии Закавказья, окончил Петровскую земледельческую и лесотехническую академию. Имя его было выгравировано на почётной доске академии среди лучших студентов этого учебного заведения. Занимал пост городского головы Тифлиса, был редактором и издателем 2-х ведущих, выходявших в Баку на русском языке, газет: «Баку» и «Кавказский Телеграф», собственным корреспондентом по Закавказью крупнейшей в России газеты «Русские ведомости».

Что касается материнской линии, то мой прадед Иван Карганов тоже принадлежал к дворянскому сословию. Будучи офицером царской армии, рано вышел в отставку. Жил в Тифлисе, где провёл конку, трамвай, водопровод, фуникулер, был удостоен звания почётного гражданина города, владел в Грузии имением. Оба сына и дочь получили высшее образование. Старший – в Бельгии, младший – в Москве, а дочь, приходящаяся мне бабушкой, как я уже говорила в нашей первой беседе, – в Париже, где окончила Академию художеств. Замуж она вышла за Георгия Мелик-Каракозова. Его отец Павел Мелик-Каракозов – также из дворян, занимал должность Председателя Суда Кавказского края. Дочери его получили прекрасное домашнее воспитание, а уже их дочери впоследствии окончили в Петербурге лучшие в России женские Высшие Бестужевские курсы. Сыновья же и младшая дочь моего прадеда высшее образование получили в Берлине. Старший из братьев, мой дед, дополнил его музыкальным образованием в Брюсселе. Об этом я тоже упоминала в прошлой беседе. В дальнейшем все они занимали соответствующее их происхождению, образованию и личным качествам место и положение в российском обществе. Особенно это касается обоих моих дедов, ярких политических и общественных деятелей Кавказа. Уровень жизни всех, кого я перечислила, как и тех, кого по тем или иным причинам не упомянула, был достаточно высок. Лично я помню дом моей бабушки в Тифлисе, в котором я жила во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны. До революции дом принадлежал бабушке, она получила его в виде приданого от своего отца. Дом имел подъезд с широкими мраморными ступенями, высокими потолками, просторными комнатами с венецианскими окнами. Комната, в которой мы тогда жили, до революции служила хозяевам дома, моим бабушке и дедушке, залом для приёма гостей. Поставленный на широкую ногу дом этот собирал в своё время лучших представителей культурной, политической общественной жизни Тифлиса. Посетить его считали за честь приезжавшие на Кавказ деятели из Москвы и Петербурга. В комнате, под названием «зал», в которой мы жили, было площадью 60 квадратных метров. Я это хорошо помню, так как метраж комнаты позволял, по моему мнению, считать его виновником моей неважной успеваемости в школе. Размеры комнаты, преодоление расстояний в ней, считала я, отнимали всё моё время, которое можно было бы посвятить приготовлению уроков. Я убеждённо и настойчиво объясняла это маме. Не знаю, насколько я могла её убедить, но сама я искренне в это верила, как и в то, что царская Россия была «тюрьмой народов». Но сделанная впоследствии «инвентаризация» своей родословной заставила меня в этом усомниться. Думаю, и читателя тоже.

Л.Д. Что Вы можете ответить, Сэда Константиновна, на возражения, что все, кого упомянули, были представителями высших слоёв российского общества?

На это я могу ответить, что царская Россия была сословным обществом, а это изначально означает наличие в стране социального неравенства. Формулировка же «тюрьма народов» предполагает

Мои дед и бабушка по материнской линии. Мария и Георгий Мелик-Каракозовы в Париже.

Л.Д. Что служило, на Ваш взгляд, гомогенизации многонационального государства – Российской Империи?

На мой взгляд, важнейшим фактором являлся, прежде всего, принцип и действовавшая практика административно-территориального деления Российской Империи, когда внутренние границы определялись и устанавливались безотносительно к проживающим на данной территории этносам. Территориальное деление носило исключительно административный характер, и границы уездов и губерний определялись экономическими, транспортными и прочими факторами, а не территориями компактного проживания какой-либо этнической группы, входившей в состав Империи. Это предвосхищало возможность возникновения этнической обособленности, изоляционизма, национализма, сложностей сосуществования и взаимной адаптации различных разноуровневых культур на территории одного государства. Это шло бы в ущерб общегосударственным интересам многонациональной страны, и поэтому являлось необходимой предпосылкой выработки на всей территории Российской Империи общих, единых для всех населяющих её народов, включая русских, стандартов и норм. Это так, потому что в задачу всякой Империи входит, повторюсь, интеграция, инкорпорация населяющих её народов в целях гомогенизации общества, создания условий их совместного гармоничного сосуществования и развития.

Обращаясь к истории, отметим, что первоначально территория России делилась на 250 уездов, и это вело к излишней раздробленности и сложностям в управлении государством. В конце 1708 года Петр Первый провел реформу укрупнения административно-территориального деления России, создав 8 губерний, непосредственно подчиняющихся центральной власти. Таким образом, гений Петра предвосхитил идею, сформулированную в более поздние времена (1831 –1891) и по другому поводу Константином Леонтьевым: «Централизация власти – императив внутренней идеи России». Продолжение этой цитаты гласит: «Разрывая путы этого деспотизма, явление гибнет», в чём, к сожалению, мы смогли, и не раз, убедиться.

Л.Д. Как Вы определите роль языка в консолидации общества?

По вопросу о роли языка (и литературы, и культуры в целом), как необходимых факторов консолидации и гомогенизации общества я хотела бы подчеркнуть, что процесс этот носит двусторонний характер. В результате развития и распространения языка и культуры Империи и языков этносов, населяющих Империю, как и их культур, литератур, происходит встречное движение и, в зависимости от собственных внутренних сил и ресурсов, создаётся поле имперской культуры, которое, как правило, покрывает всю территорию Империй.

В советское время эта тенденция только усилилась. В качестве яркого исторического примера такого рода можно с успехом привести и Рим, латинский язык, который в ходе расширения римских территорий привёл к латинизации полмира, определив основу романо-германских язы-

неравенство этническое, что не соответствовало действительности, и это – закономерно, ибо Империя – многонациональное государство, дискриминация по национальным, этническим признакам вызывает в многонациональном государстве, каковым по определению является Империя, обратную реакцию – стремление к этнической обособленности с неизбежным переходом в сепаратизм и к угрозе распада государства. Российская же Империя была близка Византийской традиции, где даже Императорский престол мог занимать представитель любого этноса, если его личностные характеристики соответствовали столь высокому званию.

Монолитность общества, его устойчивость не должны подвергаться националистическим, как и шовинистическим соблазнам, неизбежно ведущим к распаду многонационального государства, к его гибели. Со стороны государствообразующей, самой многочисленной нации, чья культура, в том числе политическая, являются для всех граждан определяющей, возможен, даже уместен патернализм, или что-либо близкое к нему.

ков и сумел оказать влияние на литературу, написанную на этих языках, на всю мировую культуру и её развитие, продолжающееся и по сей день. И разве Европейский Союз – не модификация Священной Римской Империи Оттонов, вплоть до той роли, которую в нём занимает нынешняя Германия? А влияние античности, эллинизма, Афинской демократии разве не лежат в основе всех современных европейских демократических систем со всеми их понятийными, смысловыми атрибутами и содержательным наполнением, – кворум, форум, консенсус, статус и пр.? А древнее Римское право – не является ли основой современного, европейского и не только европейского, гражданского права? И коль мы заговорили о Римском праве, почему бы не вспомнить и об одном из главных его постулатов – «священной частной собственности», который, в том числе и благодаря употреблению слова «священной» перед словом собственность, и по сей день оправдывает, и цементирует, и освящает капиталистическую основу современного мира и выводит за рамки закона протест?

*Мой дед по материнской линии Георгий Мелик–Каракозов
Министр народного образования и искусств
в своем кабинете. г. Ереван, 1918 г.*

Л.Д. А как бы Вы охарактеризовали специфику русской цивилизации?

Всё сказанное, с некоторыми оговорками на местную специфику, можно отнести к Российской Империи, которая может быть названа, в соответствии с ролью русской культуры и русского языка в ней, русской цивилизацией, перешедшей в советскую, внесшей новые фундаментальные, не всегда совпадающие с романскими, смыслы. И не это ли фундаментальное несовпадение лежат в основе всех нынешних противостояний Запада, наследника Римской империи, с Россией? Но это реплика в сторону. Вернёмся к теме языка. И понимание значения русского языка в Российской Империи многократно возрастёт, если мы учтём, что среднее и высшее образование в ней можно было получить только на русском языке. На языках других населяющих Россию этносов преподавание шло лишь в начальных классах приходских школ. Таким образом, владение русским языком открывало дорогу как к среднему, так и высшему образованию, к службе в государственных, и не только, структурах, давало возможность быть приобщённым к мировой культуре. В доказательство сошлюсь на собственную родословную, раз уж мы взяли её в качестве доказательной базы, и отмечу, что как со стороны отца, так и со стороны матери родным языком для всей моей родни и широкого круга их общения, был русский язык. На нём говорили, думали, творили, входили в историю Российской Империи – то есть возникала новая реальность, которая была идентична исторической реальности России и потому уместен разговор о возникновении такого феномена, как русская цивилизация, со своей генетической основой, структурой и иерархией смыслов, определяющей специфику мышления, саму ментальность, характер этой цивилизации. По мысли выдающегося филолога-слависта позапрошлого и начала прошлого века А. Потебни, «язык можно сравнить со зрением, подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза неизбежно даёт другое восприятие и этим влияет на всё мироощущение человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли (А. Потебня. «Язык и мысль». Киев, 1997г., переиздание 1913 года).

Эти «особые комбинации элементов мысли», как результат накопленного этносом исторического опыта, и определяют специфику русской цивилизации, и её значения, как объединяющего фактора человеческой общности многонационального государства... Язык – великий связной. Используя язык какого-либо этноса (в данном случае речь идет о русском языке), ты формируешь собственное сознание, аналогичное тому этносу, язык которого ты употребил. Отсюда роль русского языка для создания в стране русской культуры, среды, с единой шкалой ценностей, мировоззренческой специ-

фикой. Отсюда и та пропасть, которая разделяет сегодня русскоязычных граждан бывшего СССР от граждан, являющихся носителями языка других, населяющих Россию, этносов.

Л.Д. Что является главнейшим условием гомогенизации многонационального государства, на примере Российской Империи?

Таким условием является, прежде всего:

1) соответствующее административное деление территории страны, которое строится не по национальному признаку;

2) максимальное распространение единого для всех языка (в данном случае – русского) на всём пространстве рассматриваемой территориальной единицы, будь то Российская Империя, Советский Союз, Российская Федерация или грядущее новое образование;

3) решающая роль в этом принадлежит образованию и культуре на основе единого для всех языка, принятого в качестве государственного.

Подводя же общие итоги, следует отметить, что в неравном положении были в России народы нехристианского вероисповедания. Сама формула «Православие. Самодержавие. Народность» изначально предполагает такое неравенство. Реально же неравенство в стране носило сословный, социальный характер, что и привело, в конечном счёте, к революции 1917 года.

Л.Д. Что ещё переосмыслилось Вами сейчас о советской действительности?

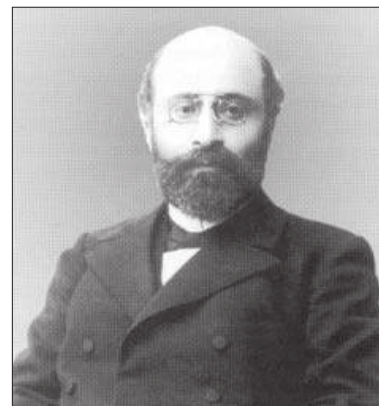
Вопросом, который всегда занимал меня как в советское, так и в постсоветское время, то есть уже в зрелом возрасте, и на который я нашла ответ сравнительно недавно, – это о возможности построении социализма в одной, отдельно взятой стране, поставленный Лениным в Апрельских тезисах. У меня были сомнения в справедливости этих слов, с одной стороны, а с другой – я жила в стране победившего в одной отдельно взятой стране социализма. Что есть миф и что реальность? Я думала об этом. Ответ пришел неожиданно. И не помню как, по какому поводу я наткнулась на закон общей теории систем, который гласит «ОДИН ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ В СОСТОЯНИИ, КАЧЕСТВЕННО ИНОМ, ЧЕМ ВСЯ СИСТЕМА». Так я нашла ответ и объяснение тому оглушительному обвалу, которым закончился, несмотря на принесенные неисчислимые жертвы, социализм в одной, отдельно взятой стране. Страна рухнула, как любое сооружение, с неверно рассчитанным фундаментом, похоронив под собой все неоспоримые достижения и принесённые жертвы... И лозунг о том, что все пути ведут нас к коммунизму, оказался бравадой, потому что пришли мы не к коммунизму, а к обществу, построенному на криминальной основе, и лихорадочно ищем выход из критической, как внутренней, так внешнеполитической ситуации...

Мысль о построении социализма в одной, отдельно взятой стране, закономерно переходила к мысли о призыве Ленина «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». В результате, как известно, страна получила войну и гражданскую, и империалистическую. Чтобы ответить себе на вопрос о правомерности ленинского призыва, я провела небольшое исследование с выводом: «...к 1918 году советской властью было утеряно три четверти территории царской России...» (С. Вермишева. Тектоника внешних и внутренних границ СССР. Москва. 1997) И хотя, пройдя через невиданные жертвы, невосполнимые потери, страну всё же удалось восстановить, повторение такого опыта мне представляется чреватой катастрофой вселенского масштаба, учитывая фактор наличия у противоборствующих сторон атомного оружия. Так что можно говорить и в этом случае о переосмыслении мною собственной позиции, которая была, наверно, данью героике гражданской войны, в том числе создаваемой советской литературой. Для справедливости отмечу, что эта героика, несомненно, имела место. Но с возрастом ценность человеческой жизни возрастает, и здесь думать и думать каждому, принимать или не принимать этот ленинский лозунг. Я свой выбор сделала.

Пересмотрен мной и вопрос о способности кухарки управлять государством. При этом не в пользу символической кухарки. Вопрос этот не простой, требующий специального разговора, в частности о сословиях, кастах, генетике.

Без изменения осталось моё негативное отношение к расточительству, к излишествам, неумеренности, потребительству, как цели и смыслу жизни. И если в детстве оно носило субъективный, то в настоящее время носит вполне осознанный характер. Первый раз это отрицательное отношение проявилось в раннем детстве, в дошкольном возрасте, когда я получила в подарок роскошную, говорящую куклу. Прислали мне её американские родственники. Я кукол не любила. Никогда в куклы

не играла, предпочитая велосипед, санки, лыжи.... А тут – кукла, почти моего роста, шевелит руками, ногами, говорит «мама». В те годы такая кукла была большой роскошью. Меня же она озадачила. Особенно её имитационный характер, – в ней всё было «как бы»: она как бы двигается, как бы говорит, как бы плачет... Но всё это было не настоящим. Я делала вид, что рада подарку, на самом же деле думала, как от него избавиться. И вот придумала: я отвела кукле место около своего детского столика, усадила её в своё детское кресло, как бы демонстрируя всем свою заботу и любовь к кукле, дала ей имя своей двоюродной сестры. А потом, украдкой от взрослых, села ей на колени. Кукла издала жалобный звук, означавший слово «мама», после чего её голова благополучно отвалилась. Это было то, что мне нужно, хотя я постаралась не демонстрировать свою радость и сделала печальное, горестное лицо. Но дело было сделано. Туловище обезглавленной куклы недолго занимало место в моём любимом детском креслице.

*Мой дед по отцовской линии
Христофор Вермишев
Мэр г. Тифлиса, 1905 г.*

Уже в годы войны, в эвакуации, в Тбилиси, меня тяготили не только размеры комнаты, нашей «залы» (о чём я упоминала выше), но и многое в моей бабушке, в которой я видела признаки барственности. Особенно, когда она брала меня на прогулку, надев свой любимый, ненавистный мне, «плисовый» жакет, а на голову – шапочку с серебряной брошкой. Слово «плисовый» и серебряная брошь меня отвращали от бабушки, и я старалась выпростать свою руку и поскорей убежать от неё подальше, заведя издали приближающуюся фигуру знакомого или соседа, чтобы не быть причастной ни к брошке, ни к «плисовому» жакету, ни к самой бабушке. С неприязнью я воспринимала и сервировку нашего стола. Стол накрывался посудой дорогого фарфора лучших образцов Европы. Но есть на этом фарфоре было практически нечего. Нечем было и топить камин из белого мрамора, а когда всё же топили, обогрев был минимальным. Стены нашей комнаты были оклеены не обоями, а материей. Они были задрапированы ею до самого потолка 4-х метровой высоты. Ткань была мягкой, шелковистой. Но в складках драпировки накопилось много пыли, а сама эта, когда-то несомненно, красивая драпировочная ткань, давно выцвела. Но менять её было некому. И я любила уходить от всех этих бесполезных вещей, призраков прошлой эпохи, к своей подружке Вете, которая жила в комнатухе, где от входной двери до конца комнаты было всего несколько метров. Обогревалась она вполне сносно керосинкой, на которой её бабушка, в прошлом прачка в бабушкином доме, готовила и щедро угощала меня вкуснейшими пирожками. И не было на столе ни фарфора, ни хрусталя. Но были пирожки. И это было главным... Стены комнаты были оклеены обычными обоями. Мне было тепло и уютно. Вот тогда-то, мне кажется, и сформировалась у меня неприязнь к излишествам, особенно в условиях отсутствия необходимого. Сформировалось и укоренилось и понимание бесценности необходимого и бесполезности излишеств в условиях отсутствия необходимого. На сегодняшний день я этого отношения не изменила, – безразлична к излишествам, дорожу необходимым. Насколько такой подход отвечает вызовам времени, можно судить по сделанному Римским клубом в начале 70-х годов знаменитому докладу «Пределы роста», суть которого в том, что ресурсная база Земли убывает, численность населения растёт. Эта диспропорция и определяет будущее человечества, его перспективы, не исключая катаклизмов планетарного масштаба. Моя интуиция в далеком детстве меня не подвела.

Не изменилось и моё отношение к собственности. Государственная собственность на средства и орудия производства, как в советское время, так и в нынешнее, рыночное, для меня предпочтительна. В основе моего отношения лежит этическое чувство, но и с точки зрения практической я считаю, что будущее за государственной, а не за частной собственностью. Мне представляется, что на большом временном отрезке её преимущества неоспоримы. И это подтверждает последняя работа «Фабрики мысли»- Римского клуба.

Л.Д. Большое спасибо, Сэда Константиновна!